

Олег Губарь

Пале-Рояль

Он выходит на Екатерининскую, так сказать, фасадом каре. Откуда название? В краеведческой литературе об этом сообщают походя, как о детали несущественной: что-нибудь типа «подражание французскому». А между тем имя это говорит о многом. Прежде всего, снова и снова – о преемственности в стратегии и тактике эволюции Одессы. Едва прибыв сюда после назначения генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабской области, граф М.С. Воронцов продолжил сооружение монумента Ришелье, затеянное графом А.Ф. Ланжероном по получении из Франции известия о кончине горячо любимого одесситами Дюка. Уйдя с поста премьер-министра Французской республики, он намеревался летом 1822 года вернуться в любезную его сердцу Одессу, чтобы доживать тут на покое среди друзей, по мере сил спешествуя процветанию своего дорогого детища. Но судьба распорядилась иначе. Форсируя важное начинание по установке памятника Дюку, ведя переписку со знаменитым скульптором И.П. Мартосом, Воронцов демонстрировал верность политическим и управленческим принципам, исповедуемым Ришелье, с которым граф был коротко знаком в пору командования русским экспедиционным корпусом во Франции. Точно так же Пале-Рояль должен был символизировать выдающиеся успехи, достигнутые в ходе реализации означенных принципов.

Познакомимся с краткой биографией французского оригинала. Пале-Рояль – типичная дворцовая постройка, крупнейшая в Париже после Лувра. Носил он и другое название, Кардинальского дворца, поскольку служил резиденцией

кардинала Армана Жана дю Плесси Ришелье, знаменитого министра Людовика XIII, фактического правителя Франции во второй четверти XVII столетия. Как известно, Дюк приходился ему праправнучатым племянником и во второй половине 1810-х – самом начале 1820-х играл во Франции не менее значимую роль.

Семантика номинации одесского Пале-Рояля указывает также и на другое значимое обстоятельство. Французский оригинал – как бы воплощение идей просвещенного абсолютизма в архитектуре. Поощряя науки, искусства, здравый смысл в политике, просвещенный и вовсе не чуждый идеям гуманизма, кардинал Ришелье в то же время был беспощаден к малейшим проявлениям деструкции в стабильности державы, сурово расправлялся с любым революционно окрашенным социальным движением. И если его потомок, Дюк, умел поставить дело так, чтобы заведомо предвосхищать пламень общественного негодования и исподволь готовить прогрессивные перемены, то Воронцов, при всей своей просвещенности и европеизме, был сторонником более решительных

и жестких мер, что неоднократно постулировал, очутившись в опале. Так что в имени Пале-Рояль угадывается намек не только на первого одесского градоначальника, но и на его предка, всемогущего кардинала.

Что до кардинала Ришелье, то он, желая постоянно пребывать в непосредственной близости от своего мнительного короля и постоянно им манипулировать, приобрел вблизи Лувра, на берегу Сены, средневековый замок Рамбуйе и на его основе в 1629-1636 годах выстроил пространный дворцовый комплекс, весьма успешно соперничавший с королевским. Различные первоисточники указывают на участие в проектировании Ж. Лемерсье и Ж. Леско. Ришелье прожил в нем шесть лет, но еще в ходе строительства завещал роскошный дворец королю, дабы не возбуждать нездоровой зависти капризного монарха. Дворец складывался из основного трехэтажного здания, верхний этаж которого поддерживался двойными колоннами и был увенчан круглым фронтоном, с примыкающими к нему двумя флигелями, прямоугольным двором и въездным портиком, то есть это была периметральная замкнутая композиция. Между прочим, в пределах этого комплекса помещался и театр, впоследствии составивший традицию придворных спектаклей и по существу положивший начало Театру французской

комедии. По смерти Ришелье в Пале-Рояле обитали и другие персонажи Дюма-отца: сначала королева Анна Австрийская, а затем кардинал Мазарини.

Впоследствии дворец подвергался неоднократным реконструкциям. Нам интересна вторая из них, осуществленная знаменитым архитектором эпохи классицизма Виктором Луи. К этому времени дворец представлял собой П-образную фасадную композицию. Реставратор кардинально преобразил внутренние фасады, сделав из них изящные торговые галереи. Как пишут специалисты, Виктор Луи «отделил двухрядной тосканской колоннадой парадный двор от обширного сада, окружив его фасадами с рафинированными ионическими пилястрами большого ордера», а в капители ордера ввел французский мотив гирлянды. Так недоступные прежде, вожделенные до колликов дворцы-сады буквально вошли в общественный обиход, сделались излюбленным местом прогулок. В тенистых аркадах бойко торговали тем, что на Руси издревле именовалось «красным товаром» – новомодным, изысканным, качественным. Здесь же, в галереях, гнездились элитарные парикмахерские, кафе, рестораны, игорные дома, а рядом – будущий Театр французской комедии.

Функционально и отчасти технологически модель парижского Пале-Рояля была почти один к одному, включая театр, воспроизведена в Одессе в начале 1840-х. В Государственном архиве Одесской области хранится столь же любопытное, сколь и объемное «Дело Одесского строительного комитета: Красные лавки. Пале-Рояль». Оно включает колоссальный корпус документов на 1446 страницах, основной массив которых относится к первой половине 1840-х годов, однако встречаются и более поздние. В сочетании с информацией, почерпнутой в местной периодике, различных справочниках и путеводителях, мемуарах и других первоисточниках, «Дело» дает практически исчерпывающее представление о первых этапах постройки и эксплуатации Пале-Рояля.

Сама мотивация необходимости его сооружения оговорена четко и ясно. «Позади Театра, – фиксирует делопроизводитель Строительного комитета 31 января 1841 года, – по линии от дома

Делавоса до угла дома графини Эдлинг находится поперечная улица, застроенная с одной стороны домами, а с другой огороженная барьером плац-парадного места. Примыкая к Биржевому зданию и к центру общественных гульбищ, эта незастроенная линия, окруженная красивыми зданиями, еще более кажется неблагоприятною. Чтобы уничтожить подобное безобразие и самое место приспособить к пользе и украшению города, Комитет, по предварительном совещании в общем присутствии, признал необходимым средством: с незастроенной стороны сделать улицу на 5 саженей, разделить все пространство на 48 номеров и раздать их желающим без всякой платы, но взамен сего определить следующие условия...»

О чем здесь идет речь? Периметр будущего Пале-Рояля, ограниченный нынешними улицами Ланжероновской, Екатерининской, Театральной переулком (тогда – Биржевой улицей) и Городским театром, представлял собой так называемый *плац-парад*, то есть место разводов и экзерциций местного гарнизона. В сборнике мемуаров об Одессе, изданных к 100-летию города Людвигом Михайловичем де Рибасом, зафиксирован следующий примечательный эпизод: «Так называемая Театральная площадь, где ныне Пале-Рояль, была обнесена барьером. На этой площади городской гарнизон делал разводы, или играли мальчишки. В дни Св. Пасхи в 1834, а может быть, и в 1835 г. здесь были устроены «качели», то есть пасхальные гуляния, которые теперь устраиваются на Куликовом поле...»

Места под застройку на Театральной площади отводились безвозмездно, но на определенных условиях. Во-первых, к 1 ноября того же года «непреренно построить лавку с железной крышей по составленному архитектором Торичелли, рассмотренному и одобренному Комитетом общему фасаду». При этом позволялось иметь в ней и жилые покои, однако без двора и хозяйственных пристроек. Все лавки должны были быть «обращены лицом к плац-парадному месту», то есть в общий внутренний двор. Во-вторых, всякий владелец был обязан на свой счет вымостить «заграничным камнем» тротуар перед лавкой в соответствии с указаниями того же архитектора. Третье условие заключалось в том, что все хозяева «красных лавок» должны были совместно

устроить заранее спроектированную Комитетом дренажную галерею для стока нечистот. Кроме того, при получении места каждый из потенциальных «лавочников» обязан был внести залог в 100 рублей серебром «в обеспечение исправного застроения в назначенный срок с условием, что если принятая обязанность не будет исполнена, то Комитет имеет право отобрать место для отдачи другому желающему». Что касается залога, то он, по вычету части суммы, использованной в складчину на сооружение сточной канавы, обращался в доход города.

В числе первых просителей – известнейшие в городе представители коммерческой элиты и сферы обслуживания: Юсуф Мангуби, Цезарь Отон, Пьер Верель, Себастьян Фендерих, Варфоломей Коклен, Вильям Вагнер, Джованни-Батиста Карута, Себастьян Страц, Иван Вицина, Карл Ангер, Франческо Вернет, Наполеон Лангле и т. д. В этом реестре – фабриканты, торговцы «красным товаром», рестораторы, содержатели гостиниц, модные кутюрье, токарь, ювелир, мраморщик и др., купцы разных гильдий, мещане, иностранные подданные, короче говоря, сразу же наметилась широкая палитра профессионального, социально-го и этнического представительства.

Возведение «красных лавок на бывшей плац-парадной площади» развернулось довольно стремительно. Скажем, из прошения Цезаря Отона, поданного в сентябре 1841 года, видно, что им уже выстроены две лавки по улице Ланжероновской, под № 1 и 2, то есть ближайшие к Городскому театру. То есть строительство заняло всего полгода или немногим больше. Впрочем, тут-то и начинаются бесконечные перипетии, связанные с уклонением владельцев новых лавок от генерального проекта, разработанного Торичелли и утвержденного Строительным комитетом. Многие из них начинают самовольничать, строя и оформляя фасад по произволу, дабы выделиться чем-нибудь среди остальных, перещеголять соседа и т. д. Уже 1 ноября 1841 года архитектор докладывает Комитету, что владельцы торговых помещений Санта-Мария, Матео, Росси и Дезавис уклоняются от устройства двух закрытых канав для стока дождевых вод с внутренней площадки «красных лавок», каковые должны пролегать близ двух арочных входов со стороны Екатерининской.

Утомленный борьбой с непокорными, Торичелли спровоцировал кризис застарелого недуга и слег. Освидетельствование статус-кво временно перешло в ведение члена Строительного комитета полковника Морозова и инспекторов работ Круга и Любенкова. 3 декабря они составили соответствующий рапорт, найдя обилие отступлений от генерального проекта, различных «неисполнений и отклонений». Оправившись от болезни, Торичелли рапортует во второй декаде января 1842 года о том, что, помимо всего прочего и вопреки постановлениям начальства, некоторые из владельцев лавок «роют мины под площадь». Другими словами, они устраивают несанкционированные подвалы-ниши с неукрепленными сводами, что может привести, как это уже не раз бывало, к их обрушению и уродованию внутреннего двора всего торгового комплекса провалами.

В марте 1842 года хозяева выстроенных лавок нового «Гостиного двора» начинают подавать прошения на выдачу им официальных владельческих документов. Но процедура бесконечно затягивается из-за означенных отступлений и недоделок. Так, например, из рапорта Торичелли по поводу «приемки» лавки немецкого токаря Карла Ангера красноречиво явствует,

что сверх крыши он устроил по наружному фасаду еще и окна, а «перед окнами погребного этажа решетки сделал в большем противу образца размере, чем самым обезображивает общий симметричный вид устройства решеток по всей линии лавок». В другом рапорте Торичелли, от 26 июня 1842 года, прямо сказано, что купец Вагнер категорически не желает следовать его указаниям по устранению отступлений от проекта. И так далее и тому подобное. Тогда власти принимают единственно верное решение: выдают хозяевам «временные владельческие свидетельства» – до той поры, пока реальность не войдет в соответствие с проектом.

Он же, Торичелли, уже неизлечимо больной, буквально до последнего дня инспектирует строительство, поочередно принимая доведенные до ума «готовые изделия». Из его рапорта от 2 апреля 1843 года видно, что тому же Ангеру, воленсноленс, но пришлось-таки исправить отступления от проекта. 18 мая Торичелли подтверждает окончание – по плану и его указаниям – лавок купца Гельцеля. Архитектор оставался на своем посту до самой своей кончины. 5 июня 1843 года «Одесский вестник» сообщил: «Здесь скончался на днях на 43-м году своей жизни, от аневризма, одесский городской архитектор г-н Георгий Торичелли... Поселившись с давнего времени в Одессе, он много содействовал в течение 20-летней своей деятельности к украшению нашего города замечательными постройками. В архитектурных планах его нельзя не признать замечательного дарования и изящного вкуса; он, кроме того, обладал большою легкостью в соображении и в работе. Из числа городских построек в Одессе укажем на сооруженную по его проекту Архангело-Михайловскую церковь, на здание портовой таможни, боковые флигеля городского госпиталя, на красивые лавки на Театральной площади, которых проект составлен им был в три или четыре дня; кроме того, по его же планам построено здесь множество частных домов, в которых преобладает стиль итальянской архитектуры, между прочим, дом действительного статского советника Маюрова на Александровском проспекте, собственный его дом, там же, и проч. По его проектам построены также красивые церкви в Ялте,

в Мошнах и других имениях графа М.С. Воронцова и строятся тюремные замки в Кишиневе и Измаиле. Потеря его в летах, когда дарование его созревало от долговременной опытности, будет весьма ощутительна для нашего города...»

Из архивных данных видно, что в ходе сооружения этот элитарный торговый комплекс, по сути, не имел однозначного наименования. Более того, на первых порах название «Пале-Рояль» вообще не встречается в официальных бумагах, хотя явственно присутствует на устах одесского бомонда. Резюмируя умонастроения горожан на этот счет, популярный впоследствии литератор, а тогда молодой еще человек, выпускник Ришельевского лицея Болеслав Маркевич писал (публикация в «Одесском вестнике» от 14 августа 1843 года): «Видевшие парижский Пале-Рояль полагают дать ему это название, по некоторому сходству, разумеется, в самой крошечной миниатюре, со знаменитым творением великого кардинала, но оно не может быть допущено ни в каком отношении; другие именуют его то Гостиным двором, то Театральной площадью, но все это как-то не приходится; кажется, всего удачнее назвал его кто-то Театральной галерею...». К четырем упомянутым Маркевичем именам, как мы помним, следует приплюсовать еще два: «Красные лавки» и «Гостиный ряд», зафиксированные в архивных документах.

В третьем выпуске «Трудов Одесского статистического комитета» (с. 72) по этому поводу вообще покуражились: «В 1842 году окончена постройка здания лавочных галерей на Театральной площади, названных в шутку кем-то *Пале-роялем*, и это имя сохранилось ему доселе, а в середине его разведен сад, сделавшийся любимым местом гулянья одесской публики; теперь (1870) место это посещается гораздо менее».

Как бы то ни было, но в ту пору катавасия вокруг Пале-Рояля далеко еще не закончилась. После кончины Торичелли надзор за его дальнейшим обустройством, ввиду командировки городского архитектора Луиджи Камбиаджио в Санкт-Петербург, был возложен на Гаэтано (Ивана Осиповича) Даллакка, исполнявшего обязанности городского землемера и архитектора 1-й и 4-й частей Одессы. О нем бы нужен разговор особый, но это отдельная

тема. По сути дела, Даллаква «принял в производство» в целом готовый комплекс. Все 44 лавки были к тому времени уже сооружены. На собранные владельцами средства построили две лестницы, ведущие с улицы Екатерининской к двум входам во внутренний двор, а пространство перед лавками, как и было предписано, вымостили. Сохранился реестр

точного расхода строительных материалов: «1760 штук триестского камня, 1065 пудов асфальта и 133 пуда и пять фунтов горной смолы, для устройства из первого материала наружных и из последнего внутренних тротуаров пред лавками». При Торичелли же снивелировали обширный двор Гостиного ряда и разбили сад, очень скоро сделавшийся излюбленным местом прогулок горожан.

Вот как описывает его современник: «Внутренняя площадь пересекается перекрестными, от угла в угол, дорожками, обсаженными разного рода деревьями, кустарниками, а в продолговатых клумбах – усеянными резедою и другими цветами. Когда деревья разрастутся и дадут тень, переходы эти будут весьма приятны. Экипажи не въезжают туда; для посетителей устроены четыре входа, два с Екатерининской улицы, третий от театра, четвертый – с улицы, ведущей к бирже, мимо домов гг. Фонтон и Маюрова. Все они с простенькими красивыми решетчатыми воротами, запирающимися на ночь на замок, так что охотники до чужой собственности не имеют здесь никакого приюта. Приставленный швейцар смотрит тщательно за исправностью затвора».

Два из четырех входов, со стороны Екатерининской, сохранились по сию пору почти в неизменном виде, хотя и неоднократно перестраивались. Что до двух других, надо внести ясность. Входы эти располагались по обе стороны так называемого *караульного домика*, обращенного фасадом к театру. То есть получалось так,

что периметр Пале-Рояля как бы замыкался и с этой стороны означенным строением, забором и двумя железными воротами. «Проект кондиций» и смета по сооружению этого домика, «между углом лавок купца Отона и театральным зданием», были составлены Торичелли еще 20 января 1842 года. Строился он опять-таки в складчину всеми хозяевами «красных лавок».

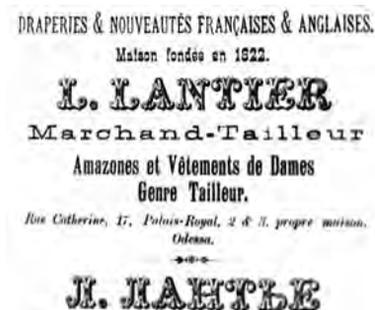
Долгожданный элитарный Гостиный двор начал поэтапно вступать в строй летом 1843 года. Как обычно, Южная Пальмира была переполнена вояжерами, прибывшими из остзейских и польских губерний, обеих столиц, не говоря уже о мелкокалиберных городах России, «для морских ванн», а также для дальнейшего следования морем в Константинополь, Смирну, Самсун, Александрию, Триест, Пирей, Марсель, далее везде. Пале-Рояль был главной новостью, шлягером, или, как теперь говорят, «фишкой», середины 1840-х, и оставил о себе как любопытнейшие тексты, так и разнообразную иконографию.

Что же тогда увидели, как оценили новомодный городской центр учтливой торговли и светских утех?.. П-образное в плане сооружение, обращенное внутренним двором к Городскому театру, выходило на три улицы – Биржевую, Екатерининскую и Ланжероновскую. Складывалось оно фактически из трехэтажей. Нижний, цокольный, большею частью подземный, предназначался под кухни, склады товаров, причем под ним нередко помещались и погреба для хранения провизии, дров и угля. Освещался нижний этаж посредством так называемых приямков, устланных стандартными металлическими решетками, вмонтированными в широкие асфальтовые отмостки, – технологическая инновация в те годы. «С первого взгляда, – свидетельствует современник, – казалось бы, такое освещение недостаточным, но, по тщательном осмотре, оказывается его довольно». Вот вам один из сюрпризов изобретательного Торичелли! Здесь же помещались и разнообразные ремесленные мастерские, причем посетители отмечают отсутствие сырости зимой и отрадную свежесть летом, «столь необходимую для работающего в них класса людей». Заметим, что со стороны Театрального переулка (Биржевой улицы) цокольный этаж оказывался наземным, поскольку рельеф местности здесь шел под уклон.

Второй этаж, а по существу, первый наземный, предназначался под главное торговое помещение – магазин или иное предприятие сферы обслуживания. Этаж этот был несколько приподнят над тротуаром и предполагал наличие одной или нескольких мраморных ступеней. Третий этаж в принципе предназначался под жилье владельцев и их семейств, однако мог использоваться по эксклюзивному усмотрению, то есть служить и для торговли.

«Здание красивое, – констатирует «Одесский вестник», – и когда все номера окончены будут отделкою и заняты, представит собою если не совсем изящный вид в отношении архитектуры, то нечто целое, легкое и веселое. Умерший городской архитектор Торичелли был с познаниями в своей науке и со вкусом, но, не тем будь помянут, сделал, кажется, большую ошибку, о которой сам сожалел впоследствии, построив это здание немного узко и низко; сделай он двумя или полутора аршинами выше и шире, отчего внутренняя площадь нимало бы не потеряла, здание бы выиграло несомненно – как в наружных фасадах, так и во внутреннем расположении; но как оно ни есть, это строение составляет украшение города и центрального местоположения. Наименования положительно оно еще не имеет».

Как центр притяжения именитых гостей города Пале-Рояль рельефно обозначился буквально тем же летом 1843-го. Об этом пишет, в частности, пребывавший в то время в Одессе знаменитый романист, «польский Вальтер Скотт» Юзеф Игнаций Крашевский, также лечившийся прописанными ему морскими купаниями. «...Движение царит в так

называемом Пале-Рояле. Это застроенный непосредственно за Театром четырехугольник разнообразных лавок, вроде изящного базара, около которого выстлан асфальтовый тротуар, освещенный лампами. Середину занимают газоны с цветами и молодыми еще деревцами...» Наблюдательный Крашевский очень точно подмечает это специфически изысканное движение перед витринами модных магазинчиков, «светящихся стеклянными, бронзовыми, фарфоровыми игрушками для молодых, игрушками для старых». Посещение Пале-Рояля по дороге на бульвар или с бульвара живо становится поистине ритуальным.

Летом 1845 года в Одессу приехала другая популярная в свое время писательница – Олимпиада Петровна Шишкина, воспитанница Смольного института и бывшая фрейлина великой княгини Екатерины Павловны. Как и Крашевский, остроумная и наблюдательная, однако довольно оголтелая славянофилка, она порой со скептической иронией описывает лихо распропагандированные местными патриотами одесские достопримечательности. «В двух модных магазинах в гостином дворе, у французенок или, по крайней мере, у иностранок, называющихся француженками, – иронизирует она, – чепчики и шляпки хуже и дороже, нежели у русских купцов в Петербургском гостином дворе, с которым здешний только одно имеет сходство, что также построен четвероугольником. Внутри его, откуда вход в лавки, посажены белые акации и другие деревья, и со временем будет здесь прекрасный сад. Теперь более гуляют вокруг лавок,

по асфальтовой мостовой; она очень гладка и по ней легче ходить, нежели по камню». Как видим, асфальт в диковинку даже для столичной аристократки!

«Здесь два раза в неделю играет музыка, – продолжает Олимпиада Петровна, – и тогда особенно много гуляющих: под деревьями расставляют столы, за которыми пьют чай, едят мороженое и конфеты, что все под рукою. Лавки кругом освещены, и под ногами светится огонь из отверстий с железными решетками, в которых видно, что там живут. (Вот и еще один феномен Торичелли: днем освещаемый со двора, цокольный этаж как бы отражает полученный свет ночью! – О. Г.) Я встретила здесь многих петербургских знакомых, приехавших из любопытства или для поправки здоровья морскими ваннами, между прочим, Филиппа Филипповича Вигеля... Здесь множество иностранцев; приезжие отличаются своими белыми и серыми безобразными блузами, и когда на несколько минут умолкает музыка, со всех сторон слышны различные языки, восточные и западные. Иногда казалось мне, что я в чужой земле...» У Крашевского: «Разговоры их подобны разговорам у подножия башни вавилонской».

В литературных воспоминаниях еще одного популярного когда-то писателя, Г.П. Данилевского, также встречаем свежее впечатление от посещения одесского гостиного двора в 1850 году: «Пообедал в Пале-Рояле у описанного Пушкиным Отона (ресторан «Au petit gourmand»), где на карте кушаньев пестрели незнакомые имена местных морских рыб – скумбрия, кефаль, камбала, баламут, калканы, бычки и проч., – зашел в погреб под вывеской «Текущая река», где выпил за шесть копеек, как теперь помню, стакан превосходного беспешинного хиосского вина (Одесса тогда еще была *porto-franco*) и пустился пешком осматривать город».

Первый полный «Именной список владельцам лавок Гостиного ряда на Театральной площади» составлен в интервале между 7 марта и 15 апреля 1846 года. К этому времени все они получили уже не временные, но полноценные владельческие свидетельства. В этом перечне насчитывается всего 32 лица, поскольку некоторым из них – Санта-Марии, Гельцелю, Андросову, Мангуби,

Марини, Отону, Вагнеру, Фендериху, братьям Стифель, Верелю, Каруте и Роблену – принадлежало сразу по две лавки. К этому времени отдельные магазины уже успели сменить первоначальных владельцев.

Специализированная торговля, развлекательные и прочие заведения, перечень товаров и услуг, связанные с Пале-Роялем персоналии, детали быта, эволюция застройки и смена домовладельцев – тема настолько обширная, что в рамках альманаха ее невозможно охватить. Впрочем, интересующиеся имеют возможность копнуть глубже, ознакомившись с иллюстрированным изданием «Пале-Рояль». Книга редкая, мы подготовили и выпустили ее в 2003-2005 гг., однако она вполне доступна в библиотеках – «публичке», НБ ОГУ и др.

